

Анатолий Алексеевич Штырбул

Омский государственный педагогический университет, доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры всеобщей истории, социологии и политологии, Омск, Россия
e-mail: shtyrbu_97@omgpu.ru

Идея сильной личности в философской системе Партии социалистов-революционеров

Аннотация. Статья посвящена философско-антропологическим аспектам идеи сильной личности в идеологической системе Партии социалистов-революционеров — крупнейшей российской политической партии первой четверти XX в. Показаны связи этой идеи с субъективным методом в социологии русских народников П. Л. Лаврова и Н. К. Михайловского и особенно с теорией героя и толпы, а также с идеями Ф. Ницше о сверхчеловеке. Кроме того, прослежены основные проявления идеи сильной личности в политической практике Партии социалистов-революционеров, а также отражение данной теории и практики в современной тем событиям художественной литературе первой четверти XX в.

Ключевые слова: партия эсеров, идея сильной личности, теория сверхчеловека Ф. Ницше.

Anatoly A. Shtyrbul

Omsk State Pedagogical University, Doctor of Historical Sciences, Professor,
Professor of the Department of General History, Sociology and Political Science, Omsk, Russia
e-mail: shtyrbu_97@omgpu.ru

The Idea of a Strong Personality in the Philosophical System of the Party of Socialist-Revolutionaries

Abstract. The article is devoted to philosophical and anthropological aspects of the idea of strong personality in the ideological system of the Party of Socialist-Revolutionaries (PSR), the largest Russian political party of the first quarter of the 20th century. The links of this idea with the subjective method in the sociology of Russian Populists P. L. Lavrov and N. K. Mikhailovsky and in particular with the so-called theory of the hero and the crowd, as well as with the ideas of F. Nietzsche and his theory of the ubermensch are shown. In addition, the main manifestations of the idea of a strong personality in the political practice of the PSR, as well as the reflection of this theory and practice in the contemporary fiction of the first quarter of the 20th century are traced.

Keywords: Party of Socialist-Revolutionaries, the idea of a strong personality, F. Nietzsche's theory of the ubermensch.

Введение (Introduction)

Философские идеи в идеологии Партии социалистов-революционеров играли заметную роль. Лидер партии В. М. Чернов являлся признанным философом. Вслед за ним попытался заявить о себе как о философе и Н. Д. Авксентьев. Между тем философская система эсеров оказалась крайне эклектичной. Выступая в качестве последователей «субъективного метода в социологии» П. Л. Лаврова и Н. К. Михайловского, идеологи эсеров старались одновременно опереться на философские учения А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского, на систему И. Канта, а также, выборочно и фрагментарно, признавали и использовали отдельные элементы марксизма [1, с. 33]. Особое место в философской системе Партии социалистов-рево-

люционеров (далее — ПСР) занимала идея сильной личности.

Методы (Methods)

Исследование обращения к идее сильной личности в философской системе Партии социалистов-революционеров рассматривается автором прежде всего с методологических позиций социально-политической антропологии и философии культуры, а также исходя из принципа историзма.

Литературный обзор (Literature Review)

«Немножко Канта, немножко Маркса, немножко Михайловского и Лаврова, немножко синдикализма, немножко отсебятины», — иронизировал по поводу эсеровской

идеологии известный российский социал-демократ (меньшевик) И. М. Майский [2, с. 113]. Он же сравнивал идейно-политическую систему эсеров с «идеологической крошкой», рассчитанной на чрезвычайно разношерстный социальный состав ПСР, и в связи с этим саму партию сравнивал с «пестрым цыганским табором», при этом подчеркивал, что подобное состояние в рядах партии продолжалось на протяжении 20 лет ее существования, но так и не было преодолено [2, с. 113, 115].

Таким образом, философская система ПСР, будучи в своей основе идеалистической, включила в себя на эклектической основе, наряду с разными вариациями идеализма, отдельные элементы материализма, в том числе марксизма. И в довершение — элементы теории сильной личности (сверхчеловека) Ф. Ницше.

Произошло это отнюдь не случайно. В философии ПСР изначально важное место отводилось проблеме сильной личности, в том числе идее «героя и толпы». Поскольку эсеры считали себя законными и первоочередными наследниками первой и второй «Земли и Воли», «Народной Воли» и «Черного передела», то они отталкивались в этой области от наработок П. Л. Лаврова, Н. К. Михайловского, П. Н. Ткачева и отчасти Н. Г. Чернышевского.

В отечественной литературе данную проблему с разной степенью погружения в материал исследовали историки, исторические публицисты, социологи, социальные философы, а именно: А. И. Володин, Ю. Ф. Карякин, Е. Г. Плимак [3], К. В. Гусев [1], М. Б. Могильнер [4; 5], А. Ю. Вязинкин [6], К. Н. Морозов [7], А. Н. Долгих [8] и др., а также Альбер Камю [9] и Анна Гейфман [10] — в зарубежной литературе.

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

Новый импульс идея сильной личности в эсеровской философской системе получает тогда, когда начинает обогащаться элементами теории сверхчеловека Ф. Ницше.

Важным этапом в разработке и распространении идеи сильной личности в рядах ПСР стала книга Н. Д. Авксентьева «Сверхчеловек. Культурно-этический идеал Ницше» (1906), в которой автор, член Центрального комитета ПСР, попытался органически связать теорию сильной личности Ницше с политической практикой ПСР, точнее, встроить и эту теорию в философско-идеологическое основание партии [11]. Книга своей оригинальностью, восторженностью и определенной смелостью привлекла к себе большое внимание и вызвала неподдельный интерес широкого круга читателей.

Авксентьев поставил себе задачу «...выяснить во всей чистоте и полноте как первичные черты, наиболее существенные... для этого индивидуального идеала, так и его вторичные наслоения, ...выяснить социально-метафизическую теорию, которая должна, по Ницше, освещать и дополнять идеал» [11, с. 9].

С самого начала чтения книги бросается в глаза: Авксентьев «захвачен», «заражен», «порабощен» теорией «Сверхчеловека» Ницше. «Стоит только заглянуть в его писания, чтобы почувствовать всю правду его слов» [11, с. 2]. Автор буквально умиляется прежде всего красотой философии Ницше: «Начинаешь относиться как-то особенно субъек-

тивно ко всему сказанному им: все вызывает и влечет или к согласию, к радостному приветствию всем существом определенной, “кровной истины” Ницше, или к такому же горячему отрицанию ее. Обычно происходит и то и другое попеременно, сплетаясь друг с другом так же, как причудливо порой сплетаются и сами мысли и теории удивительного “вопрошателя”» [11, с. 2–3].

«Люди мельчают, — цитирует автор Ницше, и вполне солидарен, более того, озабочен этим также. — Личности сильные, сознательные — это нечто противоположное “современному” человеку-филистеру... “Неяркость личности” — вот что удручает Ницше» [11, с. 12].

«Быть может, Ницше упрекнул в том, что картина нарисована им слишком мрачными красками, слишком односторонне пристрастна... Пускай так! Да и как могло быть иначе у этого великого борца со своим временем, у этого вдохновенного пророка и обновителя человечества, художественно окрыленного чудным видением своего идеала, своего сверхчеловека. Пускай так! — говорим мы, но это нисколько не умаляет ни великого значения, ни глубокой нужности и своевременности этого мощного сатирика, под сарказмом которого падает так много гнилого и дряблого в нашей современной культуре. И Риль, думается нам, глубоко прав, сравнив его с могучей бурей, разразившейся над Европой, над культурным человечеством. Как буря, снес он на своем пути все нетвердое, шатающееся; и как после мощной, сильной бури — легче дышится, светлее небосклон, и упавший из облаков дождь сулит новые всходы, новые победы» [11, с. 25].

Авксентьев, восторгаясь системой Ницше, местами осторожно пытается поправлять и, более того, развивать его идеи: «Идеал сверхчеловека мы понимаем вместе с Ницше и согласно духу его учения шире, чем он делал это одно время» [11, с. 6] (курсив мой. — А. Ш.). И далее: «Результатом такого исследования этой проблемы является для нас лично ответ на вопрос, что остающегося, глубоко ценного и нужного есть для нас в этом великом философе и человеке, что поработает в нем, что вдохновляет и ведет вперед и что является ненужным, чуждым даже для его системы и для его веры» [11, с. 9].

Авксентьев уточняет: «Сверхчеловек становится, таким образом, некоторого рода символом. Это — обозначение идеала, высокого культурно-этического и эстетического идеала, дающего смысл и цену жизни... Так — именно как идеальный регулятив — будем понимать его и мы в нашем изложении» [11, с. 8].

Но эти небольшие поправки в итоге ничего принципиального не значат. Восторг и умиление у Авксентьева преобладают: «Ницше создал, наконец, нарисовал нам свой, наш идеал высокого человека, сверхчеловека» [11, с. 11]; «Как художник, Ницше дал нам индивидуальный идеал...» [11, с. 8] (курсив мой. — А. Ш.). Идеал этот, продолжает восторгаться Авксентьев, состоит в том, что человек сам создает «свой закон из собственной разумной воли» [11, с. 107].

Таким образом, Авксентьев в целом принимает концепцию «сверхчеловека» Ницше. Одновременно эта концепция с небольшими оговорками принимается и руководством партии эсеров. Ведь революции нужны такие «сверхчеловеки», по крайней мере, так кажется эсерам.

При этом ни у Ницше, ни у Авксентьева нет уважения к массам, без которых революцию не сделать. Но если для Ницше это, в общем, простительно, то для Авксентьева и ему подобных в рядах ПСР, мягко говоря, странно. Можно ли в таком случае считать себя революционером и быть им? Ведь революция — для масс, а не лично для вождей. Воспитывать массы, вести их за собой к победе — черновая работа. Легче их презирать за то, что они ниже вождей, не доросли до них, не понимают того, что понимают вожди.

Эсеры считали себя прямыми наследниками народнической теории героя и толпы, сильной личности, индивидуального политического террора «Народной воли» и с готовностью восприняли идеи Ницше. Они уделяли довольно большое внимание его «теории сверхчеловека», так как эта теория во многом логически перекликалась с эсерским мировоззрением и даже звала эсеров дальше. При этом высокомерное отношение к массам, «толпе» так или иначе прослеживалось на протяжении всей истории ПСР, а теория сильной личности, «героя и толпы», прежде всего согласовалась с индивидуальным политическим террором. Все это весьма своеобразно проявлялось на практике.

По неполным данным, за период с 1902 по 1911 г. эсерами было совершено более 200 политических терактов. Их целями стали: 2 министра; 33 губернатора, вице-губернатора, генерал-губернатора; 16 градоначальников, начальников охранных отделений, прокуроров, помощников прокуроров, начальников сыскных отделений; 24 начальника тюрьмы, начальника каторги, тюремного управления, околоточных и тюремных надзирателя; 26 приставов, исправников и их помощников; 7 генералов и адмиралов; 15 полковников; 8 присяжных поверенных; 26 шпионов и провокаторов [1, с. 75]. Планировалось и готовилось, но не состоялось покушение на императора Николая II.

Конечно, не все члены ПСР по своим личным качествам были готовы и могли «идти в террор», и далеко не все эсеры стали террористами. Постепенно в ПСР сложилась теория разделения труда, она сначала касалась именно разграничения членов партии на террористов и остальных, однако в дальнейшем трансформировалась в разделение на руководителей и исполнителей вообще, причем распространилась и на собственно террористов, когда одни из них являлись руководителями, другие — исполнителями.

Идея сильной личности появилась у эсеров не на пустом месте, она опиралась не только на субъективный метод в социологии и теорию «героя и толпы», но и явно перекликалась с недоброй памяти нечаевщиной, от которой, вообще-то, все уважающие себя революционеры отрешивались, по крайней мере, на словах. Но расставаться с идеей и идеалом сильной личности эсеры не собирались.

Нечаевщине в ПСР и вообще в революционном движении России противостояла, условно говоря, гуманистическая «линия Чернышевского», который в свое время тоже работал над созданием образа и идеала сильной революционной личности [3]. В революционном движении России всегда хватало благородных, трезвомыслящих, искренних и ответственных людей, старавшихся опираться на лучшие традиции российского освободительного движения. Борьба этих двух тенденций никогда полностью не пре-

кращалась, она то уменьшалась и тлела, то вновь ярко вспыхивала.

Даже Ф. М. Достоевский, которого принято считать противником революции и разоблачителем революционеров, был не так однозначен. В романе «Бесы» он осудил революционеров и даже свел практически их всех к «бесовщине». Однако, по одной из версий, в планируемом продолжении романа «Братья Карамазовы» в революцию должен был пойти Алеша Карамазов.

Борьба этих двух линий или тенденций была характерна для всего российского революционного движения второй половины XIX — начала XX в., но особенно ярко она проявлялась в ПСР. Интересно, что проблема сильной революционной личности ницшеанского типа так или иначе нашла отражение в литературе и в той или иной мере присутствует в произведениях В. Ропшина (Б. Савинкова) «Конь бледный», «То, чего не было»; А. Грина «Подземное», «Маленький заговор», «Марат» и др.; А. Белого «Петербург»; Л. Андреева — роман «Сашка Жегулев», «Рассказ о семи повешенных»; А. Н. Толстого — пьеса «Азеф. Орел или решка»; а позднее и у французского автора Альбера Камю — драма «Одержимые».

В повести «Конь бледный» проблема сильной личности ницшеанского типа показана особенно ярко и, хотел того автор или нет, в целом развенчана. Несмотря на явное самолюбование своим литературным героем, реальным прообразом которого являлся он сам, Савинков волюн или неволюн, но довольно убедительно показал ущербность личности террориста-«сверхчеловека».

«Не верю я в рай на земле, не верую и в рай на небе. Я не хочу быть рабом, даже рабом свободным. Вся моя жизнь — борьба. Я не могу не бороться. Но во имя чего я борюсь? — не знаю. Я так хочу» [12, с. 139], — любитесь собой главный герой повести, эсер-террорист Жорж, от имени которого ведется повествование и в котором без особого труда угадывается Б. В. Савинков. И далее в том же духе: «Нет, я — мастер красного цеха... Я опять займусь ремеслом. Изо дня в день, из долгого часа в час я буду украдкой следить, буду жить смертью, и однажды сверкнет пьяная радость: совершилось, — я победил. И так до виселицы, до гроба.

А люди будут хвалить, громко радоваться победе. Что мне их гнев, их жалкая радость?...» [12, с. 137]

Убив (из ревности!) мужа своей любовницы, аристократичной красавицы Елены, Жорж рассуждает: «Но вот я убил для себя. Я захотел и убил. Кто судья? Кто осудит меня? Кто оправдает? Мне смешны мои судьи, смешны их строгие приговоры. Кто придет ко мне и с верой скажет: “Убить нельзя, не убий”? Кто осмелится бросить в меня камень? Нету грани, нету различия. Почему для идеи убить хорошо, для отечества — нужно, для себя — невозможно? Кто мне ответит?» [12, с. 136]

Отдельной линией в повести проходит противостояние Жоржа и молодого, искренне верящего в революцию и в конечное торжество добра Вани, прообразом которого стал реальный Иван Каляев, казненный за убийство московского губернатора великого князя С. А. Романова: «Одно из двух: или “не убий”, и тогда мы такие же разбойники, как

другие. А если “око за око и зуб за зуб”, то к чему оправдания? Я так хочу, и я так делаю. Уж не скрыта ли здесь трусость, боязнь чужого мнения? Боязнь, что иные скажут: “убийца”, когда теперь говорят: “герой”? На что мне чужое мнение? Раскольников убил старушонку и сам захлебнулся в ее крови. А Ваня идет, будет счастлив и свят. Будет ли? Он говорит: во имя любви. Да разве есть на свете любовь? Разве Христос воистину воскрес в третий день? Все это слова...» [12, с. 25]

Между прочим, отдав дань декадентско-модернистской моде на страницах повести «Конь бледный», Савинков вскоре написал довольно реалистический и трагический роман «То, чего не было (Три брата)», где тоже касается темы сильной личности, но уже несколько иначе: главный герой романа, эсер Андрей Болотов, по типу личности все же ближе к Ване из «Коня бледного».

Революционный радикализм, кризис революционно-го сознания, душливая обстановка эсеровского подполья (особенно периода реакции) убедительно показаны историком К. Н. Морозовым в самой полной на сегодня биографии Савинкова [7], а также в работах М. Б. Могильнер [4; 5].

«Героическая практика» подполья, индивидуального террора, революционного самопожертвования в ПСР обернулись после поражения Первой русской революции 1905–1907 гг. в период реакции 1907–1910 гг. и после групповщины, политическим кумовством, дезертирством и, наконец, разгулом провокации, апофеозом которой стала провокаторская деятельность Е. Азефа — азефщина, нанесящая партии тяжелейший удар. Распространилось разочарование и упадничество вплоть до эпидемии самоубийств, особенно среди молодежи. А вскоре, в начале 1910-х гг., революционный радикализм в ПСР сменился ликвидаторским развалом, господствовавшим вплоть до Февральской революции 1917 г. Все это явилось оборотной стороной теории сильной личности на практике.

Образно и довольно метко передал ситуацию в эсеровской (да и социал-демократической тоже) ликвидаторской среде омский журналист и поэт-сатирик И. Л. Симанин (Ваня Веселый) в сатирическом стихотворении «Нелюди» (1916): «Мины унылые... / Позы тоскливые... / Были давно ли / Такие крикливые! / Были эсерами, / Были эсдеками, / Ныне же выглядят / Просто калеками... / Выглядят трусами, / Жалкою челядью — / Плачь — разрыдайся / Над этой нелюдью. / Всюду пришибленность, / Всюду уныние, / Будто последствия / Раннего инея! / Речи короткие. / Лица поблекшие. / Нос фиолетовый. / Щеки отекающие» (цит. по: [13, с. 153]).

Накануне Февральской революции 1917 г. в правительство из Министерства внутренних дел шла следующая информация: «Что касается Партии Социалистов-Революционеров, то, по сведениям департамента полиции, таковой в России не существует» [14, с. 544–545].

После свержения в феврале 1917 г. самодержавия партия пережила кратковременный период политического триумфа, свой «звездный час» (март — июль 1917 г.), когда на волне революционной эйфории она выросла до 700 тыс. членов [1, с. 99] и стала самой крупной политической партией в России, одной из правящих и при этом фактически

господствующей. Но ненадолго. Парадокс: именно в это самое время большая часть эсеровского руководства, имея доступ к государственной власти, оказалась не на высоте и превратилась в дряблых и слабых социал-соглашателей, а лидер партии, В. М. Чернов, став во Временном правительстве «крестьянским» министром земледелия, так ничего и не сделал для крестьян в решении аграрного вопроса.

В итоге наиболее радикальная и близкая к народу часть эсеров выделилась в Партию левых социалистов-революционеров (интернационалистов) (ПЛСР), которая пыталась в течение нескольких лет сохранять лучшие традиции былой ПСР и, кстати, вместе с большевиками передала землю крестьянам.

После установления большевиками и левыми эсерами советской власти ортодоксальные эсеры (правые и центристы) продолжали идти по пути сотрудничества с буржуазией, окончательно встав в ряды контрреволюции.

Последним испытанием для этой части эсеров стали события Гражданской войны, которые они, как политическая партия, в целом не выдержали, а для таких вождей, как Авксентьев, Зензинов и Аргунов, все обернулось еще и политическим позором. Апофеозом их идеологической платформы и политической деятельности, закономерным итогом стало беспринципное социальное соглашательство с самыми реакционными кругами буржуазии и выполнение черновой работы для правых и крайне правых кругов в период Директории (Всероссийского Временного правительства) в сентябре — первой половине ноября 1918 г., особенно события переворота А. В. Колчака. Данные события стали своеобразным моментом истины для этих «сильных личностей».

Напомним, что после разгона Директории в Омске и ареста ее руководящих деятелей — эсеров Авксентьева, Зензинова и Аргунова — в ночь на 18 ноября к ним вскоре явился некий капитан Герке и предложил от имени новой власти выбор: либо тюрьма («со всеми возможными последствиями», — многозначительно добавил Герке), либо высылка за границу. Члены Директории без колебаний выбрали второе [15, с. 473–477].

Заключение (Conclusion)

Весьма показательно, что, когда арестованным членам Директории от имени правительства А. В. Колчака предложили «выходное пособие»: Авксентьеву и Аргунову — в размере 50 тыс. руб., Зензинову, как многодетному, — 75 тыс., а также потребовали дать письменное обязательство не вести за границей политической деятельности против новой власти, они покорно пообещали сделать все, что от них требовали, взяли деньги и 20 ноября под конвоем благополучно и позорно убыли из Омска на восток, чтобы из Владивостока отправиться за границу [16, с. 15]. Добавим, что, оказавшись в Париже и ощутив себя в безопасности, они тут же стали поливать А. В. Колчака грязью.

Это были те самые люди, которые в числе ведущих лидеров ПСР в течение 15 лет, в том числе и в ее героический период 1904–1908 гг., возглавляли партию, а Н. Д. Авксентьев в книге «Сверхчеловек», выступая как

один из идеологов партии и являясь при этом поборником идеи сильной личности, попытался связать «теорию сверхчеловека» Ф. Ницше с революционной практикой

эсеров, причем между строк этой книги так и сквозило, что сам автор вот именно таким сверхчеловеком и является.

Библиографический список

1. Гусев К. В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. (Исторический очерк). М. : Мысль, 1975. 383 с.
2. Майский И. М. Демократическая контрреволюция. М. ; Петроград : Госиздат, 1923. 360 с.
3. Володин А. И., Карякин Ю. Ф., Плимак Е. Г. Чернышевский или Нечаев? О подлинной и мнимой революционности в освободительном движении России 50–60-х годов XIX века : моногр. М. : Мысль, 1976. 295 с.
4. Могильнер М. Б. На путях к открытому обществу: Кризис радикального сознания в России (1907–1914 гг.). М. : Магистр, 1997. 56 с.
5. Могильнер М. Б. Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа : моногр. М. : Новое литературное обозрение, 1999. 208 с.
6. Вязинкин А. Ю. Субъективный метод в социологии как источник философской антропологии Н. К. Михайловского // Вестн. Тамб. ун-та. 2012. Вып. 7 (111). С. 243–248.
7. Морозов К. Н. Борис Савинков: опыт научной биографии. М. ; СПб. : Нестор-История, 2022. 768 с.
8. Долгих А. Н. Советская романистика о революционном народничестве: взгляд историка // Кубанские исторические чтения : материалы XV Междунар. науч.-практ. конф. Барнаул : Изд. Колмогоров И. А., 2024. С. 186–192.
9. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М. : Политиздат, 1990. 415 с.
10. Гейфман А. Революционный террор в России, 1894–1917 / пер. с англ. Е. Дорман. М. : КРОН-ПРЕСС, 1997. 448 с.
11. Авксентьев Н. Д. Сверхчеловек. Культурно-этический идеал Ницше. СПб. : Север, 1906. 267 с.
12. Ропшин В. (Савинков Б. В.). Конь бледный. СПб. : Шиповник, 1909. 147 с.
13. Новиков С. В. Социал-демократы и революционное подполье Сибири (1907 — февраль 1917 гг.). Историография второй половины 50–80-х гг. XX века : моногр. Омск : Изд-во Ом. гос. аграр. ун-та, 2003. 164 с.
14. Спиридович А. И. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. 1886–1916. Петроград : Военная типография, 1918. 623 с.
15. Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака : в 2 кн. М. : Айрис-пресс, 2004. Кн. 1. 576 с.
16. Спирин Л. М. Разгром армии Колчака. М. : Госполитиздат, 1957. 296 с.